

ИРИНА БЕЛОБРОВЦЕВА
Таллинский университет

ОБ ОДНОМ НЕУДАВШЕМСЯ ЗАМЫСЛЕ, ИЛИ МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА ВСЕВОЛОДУ ВИШНЕВСКОМУ В ТАЛЛИНЕ

30 лет назад, в 1987 году, в Эстонии имя Михаила Булгакова неожиданно прозвучало в газетной дискуссии, носившей эксплицитно эстетический, а имплицитно — ярко выраженный идеологический характер. К сожалению, газетный век недолог, однако высказывания тридцатилетней давности не только поучительны, но в большой мере сохраняют актуальность, а их осмысление и интерпретация делают их ценными свидетельствами о конце советской эпохи.

Отправной точкой дискуссии оказался медийный факт: 16 июня 1987 года в параллельно издаваемых на эстонском и русском языках газетах «Õhtuleht» («Вечерняя газета») и «Вечерний Таллин» появилась статья журналиста Михаила Корсунского с пафосным названием *Память нетленна*, в которой рассказывалось о впечатлениях ленинградского литературоведа Сергея Белова о Таллине. Известный Достоевсковед посетовал, что в городе нет мемориальной доски в память о нескольких пребываниях в нем Достоевского. Но журналист пошел дальше — назвав имена Николая Лескова, Александра Бестужева-Марлинского, Александра Блока, бывавших в Таллине, он указал, что следа их пребывания там тоже нет. Последним было названо имя советского писателя: «Обидно, что в Таллине не увековечена память Всеволода Вишневского, чье вдохновенное слово водошевляло защитников города в 1941 году»¹.

Реакция на эту статью появилась в тех же двух газетах более чем месяц спустя со дня ее публикации, 25 июля. Это было

¹ М. Корсунский, *Память нетленна* // «Вечерний Таллин» 1987, 16 июня, № 137, с. 2; М. Korsunski, *Jälg* // «Õhtuleht» 1987, 16. juuni, nr 137, lk. 2.

письмо 11 эстонских интеллигентов с красноречивым названием: «Мемориальная доска организатору травли Булгакова?». Авторы письма повторяли заключительную фразу статьи Корсунского: «Все ли мы сделали, чтобы увековечить память людей, оставивших заметный след в истории всех советских народов (в анналах мировой культуры)?»². От этого риторического вопроса протягивалась ниточка к тому, что «один из самых глубоких следов остался в биографии Михаила Булгакова»³. В письме приводилась, хотя и не полностью, история того, как Вишневский добился отказа Большого драматического театра в Ленинграде от постановки драмы Булгакова *Мольер*. Авторы письма в ту пору еще не знали, что булгаковскую пьесу, по мысли Вишневского, должна была заменить его собственная — *На Западе бой* (1931), антифашистский опус о Германии, которую автор в глаза не видел и, судя по отрицательной реакции на это творение левых немецких писателей и драматургов, происходящего там не понимал. Эстонские литераторы цитировали письма Булгакова Павлу Попову, где его потрясение сравнивалось с ударом сзади финским ножом и были приведены рассуждения из статьи Вишневского, вполне напоминающие политический донос. Далее шла цитата из письма Вишневского драматургу Владимиру Киршону: «С 1929 года моя работа пошла по линии литературы. Главное внимание я обращаю на войну, оборону. Ты это знаешь — и знаешь, зачем я специально поставлен на это дело (апрель 1933)». Авторы письма отмечали: «Старания Вишневского были вознаграждены. В 1950 году он получил Сталинскую премию за пьесу ‘Незабываемый 1919-й’, в которой, по выражению КЛЭ [Краткой литературной энциклопедии] (т. 1, Москва 1962, стлб. 994), ‘сказалось [...] влияние культа личности Сталина’. Забывать это мы не должны»⁴.

Глубокая филологическая подготовка, стоявшая за тщательной подборкой фактами и цитатами, указывала на специализацию автора (в таких письмах автор, как правило, один, остальные — «подписанты») в русской филологии, в истории русской литературы. Немногие в то время знали то, что сейчас хорошо

² Там же.

³ А. Валтон, А. Каалеп, В. Кириллов, Р. Круус, Р. Руутсоо, С. Стадников, И. Труль, У. Уйбо, Т. Хауг, А. Хейнапуу, *Мемориальная доска организатору травли Булгакова?* // «Вечерний Таллин» 1987, 25 июля, № 171, с. 2; *Jälg kultuuriloos* [Vsevolod Višnevski] // «Õhtuleht» 1987, 25. juuli, nr 171, lk. 2.

⁴ Там же.

известно: автором письма был Рейн Круус (1957–1992), учившийся на отделении русской филологии Тартуского университета, человек «с сильным социальным нервом», как охарактеризовал его один из «подписантов» этого письма Тоомас Хауг, ныне заместитель главного редактора журнала Союза писателей Эстонии «Looming» («Творчество»). Основной сферой научных интересов Рейна Крууса был русский авангард начала XX века, но творчество Булгакова его очень интересовало. Свидетельством тому — один из псевдонимов, которым он подписывал сатирические статьи: Рейн Кальсонер (фамилия персонажа повести Булгакова *Дьяволиада*); статья *По следам Аннушки и Воланда с милицией впереди* (о том, как закрывают для посетителей подъезд дома 10 по Садовой ул. в Москве), а также две публикации купюр из романа *Мастер и Маргарита* в его собственном переводе. Хотя таллинское издание романа в 1968 году на эстонском языке было одним из его первых появлений отдельной книгой, к сожалению, это был перевод журнального варианта, содержавшего, как известно, множество цензурных и редакционных выемок булгаковского текста).

На ответ «группе товарищей» вновь понадобился почти месяц — 21 августа 1987 года все в тех же «Õhtuleht» и «Вечернем Таллине» была опубликована статья *История не терпит суесловья*, подписанная также одиннадцатью авторами. Число «подписантов», как видим, аккуратно повторяло количество имен, стоявших под предыдущей статьей, — это были ветераны Великой Отечественной войны и Военно-морского флота, контр-адмирал, председатель Совета ветеранов коммунистической партии города Таллина, начальники таллинского Дома офицеров и Музея дважды Краснознаменного Балтийского флота, и никто из них не имел отношения к литературе. Как и статья, открывшая дискуссию, *История не терпит суесловья* начиналась с эмоции, задавая тон обсуждению: «Скажем прямо: весьма грустное впечатление произвело на нас письмо группы авторов ‘Мемориальная доска организатору травли Булгакова?’»⁵. Далее «группа авторов» обвинялась ни много ни мало в использовании приемов сталинского времени:

⁵ Г.Г. Густавсон, В.В. Румянцев, П.Н. Яновский, В.И. Гринкевич, Э.И. Фурман, И.С. Григорьев, П.Б. Сумера, В.С. Хайтов, Н.Н. Маласая, *История не терпит суесловья* // «Вечерний Таллин» 1987, 21 авг., № 194, с. 3; *Ajalugu ei salli sõnakõlke* // «Õhtuleht», 1987, 21. aug., nr 194, lk. 3.

ОБ ОДНОМ НЕУДАВШЕМСЯ ЗАМЫСЛЕ...

Повеяло до боли знакомым: словно ожила «традиция» конца 40-х годов. Те же приемы, чуть-чуть правды, немного лжи, игнорирование всего творчества. И неизбежные отрицательные выводы. [...] И всегда в таких письмах есть второй, скрытый смысл, о котором предпочитают умалчивать. [...] На свет вытащили давний литературный спор с Михаилом Булгаковым по поводу драматургии. Все мы поклонники Булгакова, его «Мастера и Маргариты», «Театрального романа» и других произведений [...]. И изображать только Вишневского как организатора травли Булгакова по меньшей мере неисторично⁶.

«Литературный спор» — так именуется то, о чем с гневом и болью описал Булгаков Павлу Попову по поводу увенчавшихся успехом усилий Вишневского по снятию с репертуара пьесы *Мольер*: «[...] на Фонтанке, среди бела дня, меня ударили сзади финским ножом при молчаливо стоящей публике»⁷. Однако история, если просто дать говорить документам, расставляет все по местам. В 1987 году до публикации письма Вишневского Зинаиде Райх оставалось еще три года, и участники дискуссии не могли знать, что более полувека назад он признавался: «Я болен поисками, мне надо писать, кричать, давить глотку Эрдмана и Булгакова, бить в ярости»⁸. Вот такой «литературный спор по поводу драматургии».

В противовес единичному факту нападок на Булгакова ветераны перечисляют заслуги Вишневского, оказавшегося в начале войны в Таллине: он часто выступал перед бойцами, моряками, его речи вдохновляли, он публиковал статьи в газетах «Правда», «Красный Балтийский флот», «Советская Эстония» и «Rahva Hää!» («Голоснарода»; две последние — органы ЦККПЭ). Стараясь больнее уколоть оппонентов, ветераны используют последнюю фразу их статьи — «Забывать мы этого не должны» — как рефрен в перечислении заслуг Вишневского. И еще раз повторено убеждение в том, что авторы письма имели «другие цели, а не защиту Булгакова, который совершенно в этой защите не нуждается»⁹.

⁶ Там же.

⁷ *Письмо М.А. Булгакова П.С. Попову от 19 марта 1932 года* // М. Булгаков, *Собрание сочинений в 5 т.*, т. 5, Художественная литература, Москва 1990, с. 473.

⁸ *Письмо В.В. Вишневского З.Н. Райх от 11 янв. 1932 года* // Н. Эрдман, *Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников*, Искусство, Москва 1990, с. 289.

⁹ Г.Г. Густавсон и др., *История не терпит суесловья* // «Вечерний Таллин» 1987, 21 авг., № 194, с. 3.

Авторы статьи-письма, признающие, что в большинстве своем «знали Вишневого не по бумагам [?!] и письмам Булгакова к Попову, а по совместной службе», в финале обращаются к великой, с их точки зрения, фигуре: «Образ Вишневого — это символ красного комиссара Военно-морского флота. Статья дискредитирует и этот символ нашей истории, и образ воина-моряка, воина-интернационалиста. Понимают ли это авторы статьи?»¹⁰.

Дискуссия, открывшаяся в литературном поле, постепенно перемещалась в поле социальное. Одним из наиболее явных показателей этого перемещения стала позиция вмешавшейся в диалог центральной прессы. Под красноречивым названием *Полуправда всегда неправда*¹¹ статью против антагонистов увековечения памяти Вишневого опубликовала «Литературная газета». То, что статья была анонимной, не вызывало удивления — странно выглядела подпись: «Отдел искусств Л[итературной] Г[азеты]». Почему именно этот отдел почувствовал себя задетым позицией эстонских литераторов — было непонятно.

Странное впечатление произвела и публикация в газете «Советская культура» статьи-письма *Не ради защиты, ради истины. Об одной литературной сенсации*¹². Нетрудно предположить, что эта статья рассматривалась в партийных кругах как директива — только так можно объяснить ее републикацию неделю спустя, 2 октября, во все тех же эстонских газетах «Õhtuleht» и «Вечерний Таллин». В статье много повторов уже сказанного ранее оппонентами эстонских литераторов, выступивших против Вишневого: у них и «жареная» тема, и «незамысловато сработанный опус», и «шулерство», выразившееся в уверенности, что «имя Вишневого запятнано бесчестным поступком» и в творческой биографии Булгакова он оставил постыдный след. Авторы статьи-письма, впрочем, прибегают к хрестоматийным демагогическим приемам: выдают желаемое за действительное, нападают на «врагов» под известным лозунгом *tu quoque* («ты сам»), заявляют о недостоверности их

¹⁰ Там же.

¹¹ [Отдел искусств «ЛГ»] *Полуправда всегда неправда* // «Литературная газета» 1987, 16 сент., с. 2.

¹² К. Ару, Е. Габрилович, Вяч. Тихонов, *Не ради защиты, ради истины. Об одной литературной сенсации* // «Советская культура» 1987, 26 сент., с. 2.

информации, но главное — проводят некорректные аналогии. Речь идет об активных подлых выступлениях Всеволода Вишневского против Булгакова, однако авторы статьи-письма *Не ради защиты, ради истины. Об одной литературной сенсации*, как и ранее ополчившиеся на эстонских литераторов авторы письма *История не терпит суесловья*, переводят предмет разговора в плоскость политическую: «И это говорится о человеке, вся жизнь которого — образец преданности делу революции, защиты социалистического Отечества. О человеке беззаветного мужества и смелости»¹³. В статье поминалась пьеса Вишневского *Оптимистическая трагедия*, которой восхищались Жан-Ришар Блок и Ромен Роллан; говорилось о сценарии фильма *Мы из Кронштадта*, «навечно вошедшего в золотой фонд советского киноискусства». И опять-таки — о фильме говорили и писали Джеймс Джойс, Пабло Пикассо, Поль Вайян-Кутюрье. Хотя авторы статьи не приводят ни одного отзыва или хотя бы цитаты или фрагмента, можно поверить, что деятели коммунистической партии Франции Блок и Кутюрье, да и сочувствовавший СССР Роллан вполне могли одобрить этот фильм о схватке красных матросов с армией Юденича. Но особого пафоса достигает финал статьи: «Нам не нужно его защищать. [...] Есть у него защитники посерьезнее. Это люди в матросских бушлатах — его герои»¹⁴.

Стоит обратить внимание на необычный коллектив авторов: это отставной генерал-майор Карл Ару, ветеран Гражданской и Великой Отечественной, председатель Таллинской секции Советского комитета ветеранов войны; драматург и сценарист, Герой социалистического труда Евгений Габрилович и народный артист СССР Вячеслав Тихонов. Хотя из троих авторов к литературе имел отношение только Габрилович, статья-письмо звучала значительно профессиональнее, чем отклик военных и ветеранов. Так, на этот раз эстонским литераторам пытаются объяснить, что Вишневский «не мог принять творчество Булгакова — не мог и вот так, сразу, понять искания, сомнения, смя-

¹³ К. Ару, Е. Габрилович, Вяч. Тихонов, *Не ради защиты, ради истины. Об одной литературной сенсации* // «Вечерний Таллин», 1987, 2 окт., № 229, с. 2–3; «Õhtuleht», 1987, 2. okt., nr 229, lk. 2–3.

¹⁴ К. Ару, Е. Габрилович, Вяч. Тихонов, *Не ради защиты, ради истины* // «Вечерний Таллин» 1987, 2 окт., № 229, с. 3.

тенные колебания интеллигента»¹⁵. Очевидно, Вишневского триоца авторов воспринимала как человека из народа, то есть именно так он себя и позиционировал — до сих пор в многочисленных биографиях этого автора в интернете сведения о его происхождении повторяют строку из статьи в КЛЭ: «Сын землемера». Однако землемер землемеру рознь, и в добросовестных литературоведческих работах содержатся подлинные данные о классовой принадлежности писателя-дворянина и о его отце, который, действительно, был землемером, но частным, а кроме того, еще и крупным инженером. Неслучайно Вишневский учился в привилегированной Первой Санкт-Петербургской гимназии, куда принимались только дети дворян. Ару, Габрилович и Тихонов этого не знают (а автор статьи-письма — о нем далее — не удосужился вопрос изучить), зато Булгаков уловил фальшь на расстоянии, набросав в письме Попову портрет своего недоброжелателя: «Внешне открытое лицо, работа ‘под братишку’, в настоящее время крейсирует в Москве»¹⁶.

Еще одно искажение действительности вновь возникает от неведения: авторы уверены, что «ни в самих письмах М.А. Булгакова, ни в комментариях нет и намек на какие-то закулисные махинации против его идейного противника»¹⁷. Трудно понять в этой фразе, кто и чей идейный противник и о чьих махинациях может идти речь. Думается, читать эту неграмотную сентенцию следует так: нигде у Булгакова и его комментаторов не говорится о том, что Вишневский путем неких закулисных махинаций пытается уничтожить его творчество. Однако эта вера авторов статьи-письма опровергается не только процитированными письмами Попову, но также ироническим замечанием-вопросом в дневнике Елены Сергеевны Булгаковой: «[...] кто-то рассказывал, будто бы Вишневский сказал в своем выступлении, что ‘мы зря потеряли такого драматурга, как Булгаков’. Вишневский?»¹⁸ — настолько невероятной представляется жене писателя эта тирада в устах гонителя Михаила Булгакова.

Так что едва ли оправдалось бы предсказание авторов статьи-письма о реакции Булгакова на выступление эстонских интел-

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Письмо М.А. Булгакова П.С. Попову от 27 марта 1932 года* // М. Булгаков, *Собрание сочинений в 5 т...*, с. 474.

¹⁷ К. Ару и др. *Не ради защиты, ради истины...*, с. 3.

¹⁸ *Дневник Елены Булгаковой*, Книжная палата, Москва, 1998, с. 138.

лигентов: «Думается, и сам Михаил Афанасьевич поморщился бы...» Скорее Булгакова покорила бы их уверенность в том, что «навечно стоять в нашей литературе именам Булгакова и Вишневского»¹⁹ и вера в исполнительный местный совет, который, конечно же, примет нужное решение об установке мемориальной доски Всеволоду Вишневскому.

Трудно было бы сказать, что свело авторов этой статьи-письма, если бы не завершившая дискуссию статья Лембита Реммельгаса, которая была опубликована только на эстонском языке почти год спустя (а это означает, что пламя дискуссии где-то подспудно тлело все это время), в двух номерах еженедельной газеты творческих союзов «*Sirp ja Vasar*» («Серп и молот»)²⁰. Здесь снова появляется само за себя говорящее заглавие: *Разговор не только о Вишневском и Булгакове*. Реммельгас — член КПСС с 1944 года, ко времени публикации статьи дважды смещенный с поста секретаря Союза писателей Эстонской ССР за дерзкий нрав, — в это время работает над переводом книги рассказов любимого писателя Михаила Зощенко. И, как человек основательный, изучает широкий контекст его жизни и творчества. Именно так он нашел статью, которая стала точкой отсчета печально известной кампании 1946 года — статью Вишневского о рассказе Зощенко *Приключения обезьяны*, напечатанную в газете «Культура и жизнь» 10 августа 1946 года, за четыре дня до появления *Постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград»*. И так, Булгаков, Зощенко, Мейерхольд, о котором Вишневский злобно говорит: «Я трясущее это дерево, чтобы проверить, что падает с него [...] сочные фрукты или усохшие листья»²¹. Перефразируя слова ветеранов о Вишневском как символе красного комиссара, Реммельгас утверждает, что и в литературной жизни, и в истории культуры тот тоже был своего рода символом —

только со знаком минус. [...] Вишневский был жандармом и рупором Сталина и Жданова. Как говорят факты, Вишневский гораздо сильнее дискредитировал себя сам. Да, он писал в «Советской Эстонии», например, что победы флота в Гражданской войне были заслугой Сталина и не забывал обосновывать свою лживую концепцию истории. В трех номерах

¹⁹ Там же.

²⁰ L. Rimmelgas, *Jutt ei olnud ainult Višnevskist ja Bulgakovist* // «*Sirp ja Vasar*», 1988, 18. nov., nr 47, lk. 5; «*Sirp ja Vasar*» 1988, 24. nov., nr 48, lk. 5.

²¹ Ю. Юзовский, *О театре и драме*, т. 1, Искусство, Москва 1982, с. 22.

газеты с продолжением печаталась гигантская статья «Где Сталин, там победа»²².

Еще один след в культуре Вишневский оставил уже после войны, когда занял место председателя комиссии Союза писателей СССР по эстонской литературе. В статье Реммельгаса описана реакция на личность Вишневского тех эстонских литераторов, которые вынуждены были иметь дело с этой комиссией: она «превратилась в орган распоряжений, выговоров и осуждений, куда из Эстонии ездили отчитываться и получать розги»²³. Член правления Союза писателей СССР, литературный критик Оскар Ургарт охарактеризовал Вишневского односложно: «‘держиморда’, и член секретариата правления [...] Йоханнес Семпер с присущим ему мрачным спокойствием кивнул»²⁴.

Из этой статьи мы узнаем о том, что осталось за кулисами дискуссии: как в Таллин примчался молодой сотрудник [газеты] «Советская культура» с уже готовой статьей *Не ради защиты, ради истины*. Ему нужны были подписи авторитетных и лояльных Москве эстонских писателей — Владимира Беэмана и Пауля Куусберга, наделенных многочисленными советскими званиями — депутатов, чиновников эстонского Союза писателей, заслуженного и народного писателей, председателя и секретаря правления Союза писателей ЭССР и членов правления Союза писателей СССР и т.д. Однако оба «надежных», по мнению центральной прессы, автора, подписывать статью отказались — в воздухе веяло новым временем. Несмотря на это, как нам уже известно, статья была опубликована за тремя авторитетными подписями, а на пленуме Таллинского горкома коммунистической партии, как писал Реммельгас, «метал молнии» председатель совета ветеранов партии Густавсон и секретарь горкома по идеологии Ахто Велламаа «струсил: а что если все-таки повесить доску Всеволоду Вишневскому?»²⁵

²² В оригинале: «mingi sümbol, ainult miinusmärgiga. [...] Višnevski oli Stalini ja Ždanovi sandarm ja suuwooder» (пер. с эстонского здесь и далее автора статьи). L. Rimmelgas, *Jutt ei olnud ainult Višnevskist ja Bulgakovist* // «Sirp ja Vasar», 1988, 18. nov., nr 47, lk. 5.

²³ В оригинале: «muutus mingiks käsutamise, noomimise ja kohtumõistmise organiks, kus käidi Eestist aru andmas ja viitsa saamas». Там же.

²⁴ В оригинале: «‘deržimorda’ ja NSVL KL juhatus sekretariaadi liige Johannes Semper noogutas talle omase sünge rahuga». Там же.

²⁵ L. Rimmelgas, *Jutt ei olnud ainult Višnevskist ja Bulgakovist* // «Sirp ja Vasar», 1988, 18. nov., lk. 5.

Но время, и верно, было уже совсем другим, и замысел увековечить Всеволода Вишневского в Эстонии не удался. Дискуссия по этому поводу была проведена по всем правилам высокой игры: ни одна из сторон не выдает истинных аргументов. И обе играют по вполне советским правилам. Зачинатель дискуссии Имя? Корсунский жаждет выступить в роли просветителя и проводника русской культуры в Эстонии, видимо, совершенно не представляя себе, что эстонцы в те годы плохо знали Блока, плохо знали Лескова и почти ничего не знали о Бестужеве-Марлинском. Да, они знали Достоевского, но знали и то, что следов его пребывания в Таллине очень мало, слишком мало для создания музея его имени. И уж, конечно, при том молчаливом сопротивлении советской власти, которое было свойственно большей части эстонского народа, навязывание Таллину мемориальной доски в память о Вишневском, символе красного комиссара, было нестерпимо для эстонских интеллигентов.

Но разве дала бы цензура высказать это напрямую? Требовался аргумент, который невозможно было опровергнуть, и таким аргументом стало имя Михаила Булгакова, с 1928 года не опубликовавшего ни одной строки, не увидевшего на сцене восьми своих пьес, писателя, которого несправедливо замалчивали и которого травил Вишневский. По сути, эстонские литераторы воспользовались *argumentum ad verecundiam*, апелляцией к авторитету, которую часто использовала советская критика, чтобы заставить оппонента капитулировать.

Итак, правы были ветераны, писавшие о втором, скрытом смысле выступления против мемориальной доски Вишневскому, имея в виду сопротивление советскому духу. В этой, иной, смысловой плоскости речь шла не о Вишневском и Булгакове — как предельно точно выразился Лембит Реммельгас, «не только о Вишневском и Булгакове». Подлинное противостояние предстает здесь между приверженностью свободе творчества и следованием принципу партийности литературы, ее подчинения идеологии. Говоря о значении выступления группы эстонских интеллигентов, и прежде всего Рейна Крууса, следует помнить, что еще целый год партийные и литературные чиновники подтверждали правильность и неизбежность партийного постановления 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград», отмененное только осенью 1988-го. Тогда, наконец, газета «Правда» сообщила, что Политбюро ЦК КПСС признало постановление

О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года ошибочным, «искажающим принципы работы с творческой интеллигенцией».

Так что в рассматриваемой дискуссии обнаружить, разоблачить скрытый смысл выступления против увековечения памяти Вишневского в Таллине оппоненты эстонской интеллигенции не могли, не разрушая мифа о единомышленном советском народе. В то же время они адекватно оценили опасность подобного выступления, придав ему статус события общесоюзного масштаба и, таким образом, попытавшись объяснить на уровне подтекста, что шкала идеологических ценностей советского периода остается неизменной.

Булгакова часто уничтожали со ссылками на советские авторитеты. Но таким авторитетом, которому под силу было оспорить решение исполкомов, местной и центральной прессы, ветеранов и прочих реалий советской жизни, он стал впервые. При всей парадоксальности и внешней комичности этого эпизода его можно считать провозвестником нового времени, реалией перестройки, сменой вех. До появления в газете «Московские новости» замечательной статьи Анатолия Смелянского *Не тащите мастера на баррикады* с фиксацией факта: «В середине мая Россия отмечает столетие со дня рождения Михаила Булгакова. Кажется, и это чистейшее событие политизируется» и призывом «Не торопитесь менять знаки. Не тащите Михаила Булгакова на наши баррикады»²⁶ оставалось почти четыре года.

Настоящая статья написана при поддержке проекта IUT18-4 Эстонского научного агентства (ETAG). Автор статьи благодарен за помощь в ее подготовке Галине Михайловне Пономаревой.

BIBLIOGRAFIA

“Ajalugu ei salli sõnakõlkse.” *Õhtuleht* 21. aug. 1987 no. 194.

Aru, Karl, Gabrilovich, Yevgeniy, Tikhonov, Vyacheslav. “Neradi zashchity, radi istiny. Ob odnoy literaturnoy sensatsii.” *Sovetskaya kul'tura* 26 sent. 1987 [Ару, Карл, Габрилович, Евгений, Тихонов, Вячеслав. “Не ради защиты, ради истины. Об одной литературной сенсации.” *Советская культура* 26 сент. 1987].

²⁶ А. Смелянский, *Не тащите мастера на баррикады* // А. Смелянский, *Избранные работы*: в 2-х кн., кн. 1, Изд. дом «Искусство», Москва 2002, с. 191–195.

ОБ ОДНОМ НЕУДАВШЕМСЯ ЗАМЫСЛЕ...

- Bulgakova, Yelena. *Dnevnik Eleny Bulgakovoy*. Moskva: Knizhnaya palata, 1998 [Булгакова, Елена. *Дневник Елены Булгаковой*. Москва: Книжная палата, 1998].
- Gustavson, Genrikh, Rummyantsev, V., Yanovskiy, P., Grinkevich, Vladimir, Furman, E., Grigor'yev, P., Sumera, P., Khaitov, Valeriy, Malasaya, N. "Istoriya ne terpit suyeslov'ya." *Vecherniy Tallin* 21 avg. 1987 no. 194 [Густавсон, Генрих, Румянцев, В., Яновский, П., Гринкевич, Владимир, Фурман, Э., Григорьев, П., Сумера, П., Хайтов, Валерий, Маласая, Н. "История не терпит суесловья." *Вечерний Таллин* 21 авг. 1987 no. 194].
- Korsunski, Mihhail. "Jälg." *Õhtuleht* 1987.
- Korsunskiy, Mikhail. "Pamyat' netlenna." *Vecherniy Tallin* 16 iyunya 1987 no. 137 [Корсунский, Михаил. "Память нетленна." *Вечерний Таллин* 16 июня 1987 no. 137].
- "Pis'mo M.A. Bulgakova P.S. Popovu ot 19 marta 1932 goda." Bulgakov, Mikhail. *Sobraniye sochineniy v 5 t. T. 5*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1990 ["Письмо М.А. Булгакова П.С. Попову от 19 марта 1932 года." Булгаков, Михаил. *Собрание сочинений в 5 т. Т. 5*. Москва: Художественная литература, 1990].
- "Pis'mo V.V. Vishnevskogo Z.N. Raykh ot 11 yanv. 1932 goda." Erdman, Nikolay. *P'yesy. Intermedii. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya sovremennikov*. Moskva: Iskusstvo, 1990 ["Письмо В.В. Вишневого З.Н. Райх от 11 янв. 1932 года." Эрдман, Николай. *Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников*. Москва: Искусство, 1990].
- "Polupravda vseгда nepravda." *Literaturnaya gazeta* 16 sent. 1987 ["Полуправда всегда неправда." *Литературная газета* 16 сент. 1987].
- Rommelgas, Lembit. "Jutt ei olnud ainult Višnevskist ja Bulgakovist." *Sirp ja Vasar* 18. nov. 1988 no. 47; *Sirp ja Vasar* 24. nov. 1988 no. 48.
- Smelyanskiy, Anatoliy. "Ne tashchite mastera na barrikady." Smelyanskiy, Anatoliy. *Izbrannyye raboty: v 2-kh kn.* Kn. 1. Moskva: Izd. dom Iskusstvo, 2002 [Смелянский, Анатолий. "Не тащите мастера на баррикады." Смелянский, Анатолий. *Избранные работы: в 2-х кн.* Кн. 1. Москва: Изд. дом Искусство, 2002].
- Valton, Arvo, Kaalep, Ayn, Kirillov, Vladimir, Kruus, Reyn, Ruut-soo, Reyn, Stadnikov, Sergey, Trull', Il'mar, Uybo, Udo, Khaug, Toomas, Kheynapuu, Andres. "Memorial'naya doska organizatoru travli Bulgakova?" *Vecherniy Tallin* 25 iyulya. 1987 no. 171 [Валтон, Арво, Каалеп, Айн, Кириллов, Владимир, Круус, Рейн, Руутсоо, Рейн, Стадников, Сергей, Труль, Ильмар, Уйбо, Удо, Хаут, Тоомас, Хейнапуу, Андрес. "Мемориальная доска организатору травли Булгакова?" *Вечерний Таллин* 25 июля 1987 no. 171].
- Yuzovskiy, Iosif. *O teatre i drame*. T. 1. Moskva: Iskusstvo, 1982 [Юзовский, Иосиф. *О театре и драме*. Т. 1. Москва: Искусство, 1982].

Irina Bielobrowcewa

O PEWNYM NIEZREALIZOWANYM ZAMYŚLE,
CZYLI O TABLICY PAMIĄTKOWEJ
POŚWIĘCONEJ WSIEWOŁODOWI WISZNIEWSKIEMU W TALLINIE

Streszczenie

W artykule został przedstawiony fakt użycia nazwiska Michaiła Bułhakowa w gazetowej dyskusji okresu pierestrojki, kiedy w roku 1987 grupa estońskich intelektualistów przeciwstawiła się pomysłowi ufundowania w Tallinie tablicy pamiątkowej Wsiewołodowi Wiszniewskiemu, byłemu apologetcie władzy komunistycznej. Istnienie cenzury uniemożliwiało jeszcze wtedy bezpośrednie wyrażenie argumentacji w tej sprawie, więc estońscy pisarze zastosowali eufemistyczny chwyt, argumentując ten protest działaniami Wiszniewskiego związanymi z prześladowaniem Michaiła Bułhakowa. Omówienie publikowanych później w estońskiej i centralnej prasie artykułów polemicznych wobec tego protestu ujawnia mechanizm przeniesienia sporu politycznego na pole literatury. W nowej sytuacji społeczno-politycznej nazwisko pisarza Michaiła Bułhakowa, prześladowanego w latach 20.–30., staje się silnym wsparciem dla protestu skierowanego przeciwko decyzjom politycznym.

Irina Belobrovtsseva

ABOUT ONE FAILED PLAN,
OR MEMORIAL PLAQUE TO THE SOVIET WRITER
VSEVOLOD VISHNEVSKY IN TALLINN

Summary

The article presents a paradoxical fact of using the name of Mikhail Bulgakov in the newspaper discussion of perestroika, when in 1987 a group of Estonian intellectuals opposed the intention to establish in Tallinn a memorial board to the writer Vsevolod Vishnevsky, a fierce apologist of Soviet power. The existence of censorship prevented direct expression, and Estonian writers found an euphemistic move, arguing the impossibility of perpetuating the memory of Vishnevsky as the organizer of the persecution of Mikhail Bulgakov. The deconstruction of relevant texts of articles published in the Estonian and Central Soviet press, carried out in the article, demonstrates the transformation of polemics to the “literary field” in the confrontation at the national and social level. In the changing socio-political conditions, the name of the writer Mikhail Bulgakov, disgraced in the 1920s–1930s, acquires a decisive force.